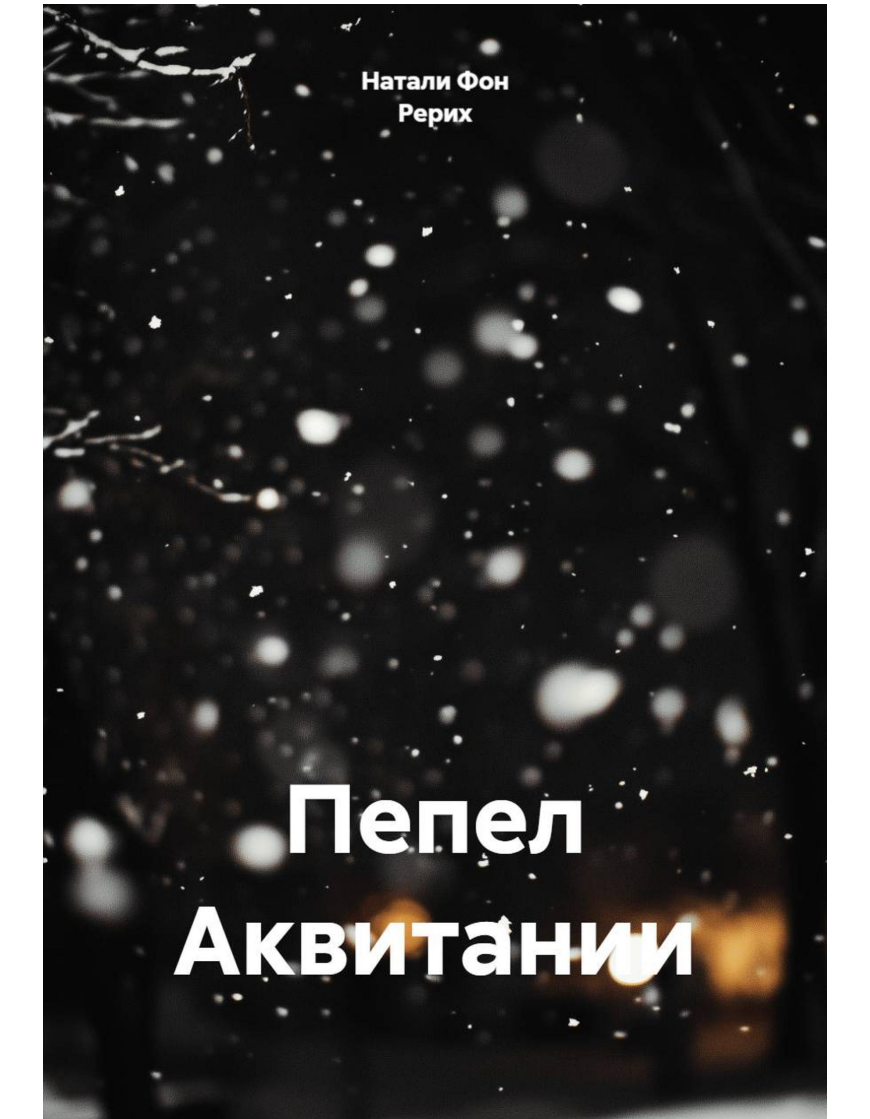

Натали Фон
Рерих

Пепел Аквитании

Натали Рерих

Пепел Аквитании

<https://litres.ru/74593339>

SelfPub; 2026

Аннотация

Раймунд де Сен-Жиль, бывший тамплиер и папский следователь, прибывает в лагерь крестоносцев под стенами Безье накануне штурма. Утром находят убитым рыцаря Жеро де Лавалья — на его груди вырезан катарский крест, а в кубке с вином обнаружен яд. Раймунд понимает: убийца — свой, кто-то из лагеря, и он не остановится. Легат Арно Амальрик не желает расследования — он хочет взять город. Симон де Монфор показывает Раймунду книгу, которую де Лаваль привёз из Константинополя: «*Liber Duorum Principiorum*», катарский текст, считавшийся утерянным. В книге — приписка: убийца ищет не мести, а правды, и найдёт её в Каркассоне.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Натали Фон Рерих

Пепел Аквитании

Глава 1

Глава 1. Безье, 22 июля 1209 года

Дождь начался на рассвете.

Раймунд де Сен-Жиль стоял на коленях в своей палатке из промасленного полотна и слушал, как капли барабаният по ткани — ровно, настойчиво, будто сама смерть отбивала такт. Он молился, но слова путались. Вместо «Pater noster» в голове звучал голос Арно Амальрика, папского легата, произнесённый вчера вечером с той спокойной жесткостью, которая бывает только у людей, уверенных в собственной правоте:

— Город не сдастся. Значит, город будет уничтожен.

Раймунд поднялся, ополоснул лицо из медного таза. Вода была ледяной, и это помогло. Ему было сорок два. Двадцать из них он провёл в Святой земле, десять — в Париже, при дворе Филиппа Августа, где научился читать людей быстрее,

чем книги. А теперь он был здесь, в Лангедоке, среди крестоносцев, которые шли не освобождать Гроб Господень, а выжигать ересь.

Он надел кольчугу, поверх — серый сюрко без герба. Оружие оставил. Сегодня он не воин. Сегодня он — следователь.

— Мессир? — окликнул его оруженосец, юный Пейре, сын тулузского кожевника. — Вас спрашивает человек. Говорит, срочно.

Раймунд вышел. Дождь не прекращался, превращая лагерь в море грязи. Между палатками сновали солдаты, кто-то точил меч, кто-то ржал над шуткой. Пахло мокрой шерстью, лошадиным потом и дымом — жгли сырые дрова. Армия крестоносцев растянулась на несколько миль вдоль реки Орб: рыцари из Иль-де-Франс и Бургундии, нормандские бароны, немецкие наёмники, отряды из Прованса и Оверни. Всего, по подсчётам Раймунда, около двадцати тысяч человек — огромное войско по меркам этого времени. И все они пришли сюда, чтобы уничтожить ересь, но на самом деле — чтобы поживиться землями графа Тулузского.

Человек ждал у шатра. Молодой рыцарь в зелёном плаще с вышитым серебряным крестом — гербом графа де Монфора. Лицо бледное, руки дрожат.

— Мессир де Сен-Жиль? — выдохнул он. — Господин легат просит вас прийти. Немедленно. Там... там убийство.

Раймунд почувствовал, как холодная рука сжала сердце. Он ждал этого. Слишком спокойно было в лагере последние дни. Слишком гладко шли приготовления.

— Веди.

Палатка рыцаря Жеро де Лавалья стояла на самом краю лагеря, у оливковой рощи. Внутри уже толпились люди — крестоносцы, слуги, два священника. Все говорили шёпотом, будто боялись разбудить мертвеца.

Раймунд вошёл. Жеро лежал на походной кровати, вытянувшись, руки сложены на груди. Но не это заставило Раймунда замереть.

На груди рыцаря, поверх рубахи, был вырезан символ. Ножом. Глубоко, с нажимом. Катарский крест — равносторонний, с расширяющимися концами.

— Никто не входил, никто не выходил, — быстро заговорил молодой рыцарь в зелёном. — Мы нашли его час назад. Он не явился на утреннюю молитву. Пейре, его оруженосец,

пошёл будить...

— Где оруженосец? — перебил Раймунд.

— Здесь.

Из угла вывели парня лет семнадцати. Он трясся, как в лихорадке.

— Расскажи, — мягко сказал Раймунд, присаживаясь на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. — Что ты видел?

— Я... я вошёл. Господин спал. Я подумал — спит. Потом увидел кровь. На рубахе. И... это. — Он показал на крест. — Я закричал.

— Ты трогал тело?

— Нет! Клянусь, нет!

Раймунд кивнул, поднялся. Осмотрелся. Палатка была аккуратной — Жеро славился педантичностью. Оружие в стойке, книги на полке, на столе — кубок с недопитым вином. Он наклонился, понюхал. Вино как вино, но что-то в нём было не так. Горьковатый оттенок. Он поднял кубок, посмотрел

на дно. Там был осадок — сероватый, хлопьями.

— Кто приносил ему вино?

Тишина. Люди переглядывались.

— Я, — сказал слуга, толстый мужчина с обветренным лицом. — Как всегда. Из общей бочки. Но я не...

— Я знаю, что ты не убивал, — спокойно сказал Раймунд. — Но яд был в кубке. И убийца знал, что Жеро пьёт вино перед сном. Один. Знал, что он не запрётся. Знал, что оруженосец не придёт до утра.

Он обвёл взглядом присутствующих. Кто-то опустил глаза. Кто-то, наоборот, смотрел слишком прямо.

— Это сделал свой, — тихо произнёс Раймунд. — И он всё ещё здесь. В лагере. Возможно, среди нас.

Дождь усилился. За стеной палатки кто-то закричал — далеко, у городских стен. Безье готовился к смерти.

Раймунд вышел на воздух. Пейре следовал за ним.

— Мессир, — шёпотом спросил оруженосец. — Кто мог

это сделать? Катары? Но они же в городе. Они не могли обратиться в лагерь.

Раймунд посмотрел на стены Безье. Серые, мокрые, они поднимались над равниной, как надгробья. За ними — двенадцать тысяч человек. Катары, католики, дети, старики. Все — еретики в глазах легата.

— Это не катары, — сказал он. — Это кто-то, кто хочет, чтобы мы так думали. Кто-то, кто знает Жеро. Кто-то, кто знает, зачем мы здесь.

Он обернулся к палатке. Тело уже уносили — четыре солдата, на носилках из плащей.

— Пейре, найди мне список всех, кто видел Жеро вчера. Всех, с кем он говорил. Всех, кто знал его привычки. И принеси мне его книги.

— Книги?

— Да. Убийца не просто убил. Он оставил знак. Он хочет, чтобы мы поняли. Но мы поймём не то, что он задумал.

Пейре убежал. Раймунд остался стоять под дождём. Он не сказал оруженосцу главного: почерк, которым был вырезан

крест, он уже видел. Двадцать лет назад. В Иерусалиме. На теле тамплиера, которого все считали погибшим в бою.

Тогда убийцу не нашли.

Теперь у него был второй шанс.

К полудню дождь стих. Небо оставалось свинцовым, но воздух стал прозрачнее, и Раймунд смог наконец разглядеть лагерь целиком.

Он стоял на небольшом холме, откуда открывался вид на осадные порядки. Внизу, у реки, расположились основные силы: шатры баронов, коновязи, кузницы, где спешно правили оружие. Дальше, ближе к городу, — осадные машины. Требюше и мангонели, собранные за ночь из сырого дерева. Инженеры из Прованса, знавшие своё дело, уже пристреливались к стенам. Камни летели через укрепления, но пока без особого успеха — Безье стоял на скальном основании, и стены его были сложены из тёмного камня ещё римской кладки.

Раймунд знал историю этого города. Безье был старым — старше самого Лангедока. Здесь, на берегу Орба, ещё фини-

кийцы торговали солью, а римляне построили форум и бани. В VI веке город стал епископством, в IX — виконтством. Теперь им правил Раймунд Роже Тренкавель, молодой виконт, которому едва исполнилось двадцать четыре. Он был отлучён от церкви за то, что не боролся с ересью, и теперь заперся в Каркассоне, оставив Безье на произвол судьбы.

Но горожане не сдавались. Раймунд видел, как на стенах сновали маленькие фигурки — защитники готовили котлы со смолой, подтаскивали камни, чинили ворота. Среди них были не только катары. Здесь жили католики, евреи, вальденсы. Всех их объединяло одно: они не хотели, чтобы чужаки с севера диктовали им, во что верить.

Арно Амальрик появился в лагере ближе к вечеру. Раймунд ждал его у палатки легата — большой, расшитой золотом, она стояла на самом возвышенном месте, так что аббат Сито мог видеть весь лагерь и стены города одновременно.

Амальрик вышел навстречу. Высокий, сухой, с длинным лицом и глазами, которые никогда не моргали. Он был одет в белое цистерцианское одеяние, поверх которого носил лёгкую кольчугу — странное сочетание для монаха, но Амальрик давно перестал быть просто монахом.

— Мессир де Сен-Жиль, — сказал он вместо привет-

ствия. — Я слышал о несчастье с де Лавалем. Это... при-
скорбно.

— Это убийство, — ответил Раймунд. — И оно связано
с городом.

— Связь очевидна, — Амальрик жестом пригласил его
внутри. — Катарский крест. Еретики посылают нам знак.

— Еретики не могли проникнуть в лагерь, — Раймунд во-
шёл следом. Палатка легата была убрана по-спартански: по-
ходная кровать, стол с картами, распятие, несколько книг.
— Я проверил: охрана стояла всю ночь. Никто не входил и
не выходил.

Амальрик сел за стол, развернул карту Лангедока. Его
длинные пальцы пробежали по берегу Орба, остановились
на Безье.

— Тогда это сделал кто-то из наших, — сказал он спокой-
но. — Что ж. Тем хуже для него.

— Вы не хотите расследования?

— Я хочу взять город, — Амальрик поднял глаза. — А
расследование подождёт. У нас двадцать тысяч человек, ко-

которые ждут приказа. Каждый день простоя — это деньги, провизия, болезни. Безье должен пасть завтра.

— А если убийца снова ударит?

— Тогда мы его найдём, — легат впервые улыбнулся, и эта улыбка была хуже любого крика. — Вы ведь для этого здесь, не так ли? Папский следователь. Инквизитор без инквизиции.

Раймунд промолчал. Формально он подчинялся Амальрику, но папа Иннокентий III дал ему особые полномочия — расследовать дела, связанные с ересью, независимо от легатов. Это было щекотливое положение. Амальрик знал об этом и не любил его.

— Кто такой Жеро де Лаваль? — спросил Раймунд, меняя тему.

— Рыцарь из свиты Симона де Монфора. Прибыл неделю назад из Парижа. Участвовал в осаде Константинополя — был там с Бонифацием Монферратским. Говорят, привёз оттуда что-то ценное.

— Что именно?

— Этого я не знаю, — Амальрик пожал плечами. — Спросите у Монфора.

Раймунд кивнул и повернулся к выходу.

— Мессир де Сен-Жиль, — окликнул его легат. — Завтра утром город будет взят. Я не хочу, чтобы ваше расследование этому помешало.

— Оно не помешает, — ответил Раймунд, не оборачиваясь. — Но оно может кое-что изменить.

Палатка Симона де Монфора стояла в центре лагеря, окружённая знамёнами с львом — гербом дома Монфор-л'Амори. Сам граф был внутри, склонившись над картой вместе с двумя рыцарями. Ему было около пятидесяти, но выглядел он старше: седые волосы, обветренное лицо, шрам через левую бровь. Он не любил разговоров и не тратил слов зря.

— Де Сен-Жиль, — сказал он, не поднимая головы. — Я слышал, вы ищете убийцу Лаваля.

— Ищу.

— Ищете или уже нашли?

Раймунд вошёл, остановился у стола. Карта была исчерчена пометками: осадные позиции, подходы к стенам, места для лестниц.

— Мне нужно знать, что де Лаваль привёз из Константинополя.

Монфор наконец поднял глаза. Взгляд у него был тяжёлый, как свинец.

— Откуда вы знаете?

— Амальрик сказал.

— Амальрик знает слишком много, — Монфор выпрямился, отошёл к сундуку в углу. Открыл, порылся, достал небольшой свёрток из промасленной кожи. — Вот. Он привёз это с востока. Хотел показать легату, но не успел.

Раймунд развернул свёрток. Внутри была книга — тонкая, в кожаном переплёте, с латинскими буквами на обложке. «*Liber Duorum Principiorum*». Книга Двух Принципов.

Он открыл её. Страницы были исписаны мелким почерком, с многочисленными пометками на полях. На первой странице — рисунок: два круга, соединённые линией. Свет и тьма. Добро и зло. Бог и Сатана.

— Это катарский текст, — сказал Раймунд.

— Не просто катарский, — Монфор подошёл ближе. — Это оригинал. Тот самый, который еретики считают утерянным. Де Лаваль нашёл его в Константинополе, в библиотеке, которую крестоносцы разграбили. Он вёз его в Рим, чтобы передать папе. Но кто-то узнал.

— Кто?

— Тот, кто убил его. И оставил на груди знак, чтобы все думали на катаров. Но катары не стали бы убивать за эту книгу. Они бы её украли. Или уничтожили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.